

Не без оглядки на текущее положение дел в стране и мире Алексей Беляков взялся ответить на извечный вопрос: что же значит быть русским?

Недавно был в Берлине. Вечером зашел в бар, не в «Элефант», как Штирлиц, но чем-то похожий. Сажу пью кофе. А у стойки три молодых и очень пьяных немца. Один все время что-то громко вскрикивал и порядком мне надоел. Я допил кофе, поднялся. Когда проходил мимо стойки, молодой горлопан чуть задержал меня, похлопал по плечу, как бы приглашая участвовать в их веселье. Я усмехнулся и покачал головой. Парень спросил: «Дойч?» («Немец?»). Я ответил: «Найн. Русиш». Парень вдруг притих и чуть ли не вжал голову в плечи. Я удалился. Не скрою, с торжествующей улыбкой: был доволен произведенным эффектом. Русиш, ага.

А русский я до самых недр. Образцовый русский. Поскреби меня — найдешь татарина, это с папиной стороны, с маминой есть украинцы — куда без них? — и где-то притаилась загадочная литовская прабабушка. Короче, правильная русская ДНК. Густая и наваристая как борщ.

И весь мой набор хромосом, а в придачу к нему набор луговых вятских трав, соленых рыжиков, березовых веников, маминых колыбельных, трех томов Чехова в зеленой обложке, чукотской красной икры, матерка тети Зины из деревни Брыкино, мятых писем отца, декабрьских звезд из снежного детства, комедий Гайдая, простыней на веревках в люблинском дворе, визгов Хрюши, грустных скрипок Чайковского, голосов из кухонного радио, запаха карболки в поезде «Москва-Липецк», прозрачных настоек Ивана Петровича — весь этот набор сотворил из меня человека такой широты да такой глубины, что заглянуть страшно, как в монастырский колодец.

Быть русским — это быть растерзанным. Расхристанным. Распахнутым. Одна нога в Карелии, другая на Камчатке.

И нет никакой оригинальности именно во мне, я самый что ни на есть типичный русский. Загадочный, задумчивый и опасный. Созерцатель. Достоевский в «*Братьях Карамазовых*» писал о

таким типичном созерцателе, что

«может, вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то и другое вместе»

Быть русским — это быть растерзанным. Расхристанным. Распахнутым. Одна нога в Карелии, другая на Камчатке. Одной рукой брать все, что плохо лежит, другой — тут же отдавать первому встречному жулику. Одним глазом на икону дивиться, другим — на новости Первого канала.

И не может русский копаться спокойно в своем огороде или сидеть на кухне в родной хрущобе — нет, он не просто сидит и копается, он при этом окидывает взглядом половину планеты, он так привык. Он мыслит колоссальными пространствами, каждый русский — геополитик. Дай русскому волю, он чесночную грядку сделает от Перми до Парижа. Какой-нибудь краснорожий фермер в Алабаме не знает точно, где находится Нью-Йорк, а русский знает даже, за сколько наша ракета долетит до Нью-Йорка. Зачем туда ракету посылать? Ну это вопрос второй, несущественный, мы на мелочи не размениваемся.

Теперь нас Сирия беспокоит. Может, у меня кран в ванной течет, но я сперва узнаю, что там в Сирии, а потом, если время останется, краном займусь. Сирия мне важнее родного крана.

Академик Павлов, великий наш физиолог, в 1918 году прочитал лекцию «О русском уме». Приговор был такой: русский ум — поверхностный, не привык наш человек долго что-то мусолить, неинтересно это ему. Впрочем, сам Павлов или современник его Менделеев вроде как опровергал это обвинение собственным опытом, но вообще схвачено верно. Русскому надо успеть столько вокруг обмыслить, что жизни не хватит. Оттого и пьем много: каждая рюмка вроде как мир делает понятней. Мировые процессы ускоряет. Махнул рюмку — Чемберлена уже нет. Махнул другую — Рейган пролетел. Третью опрокинем — разберемся с Меркель. Не закусывая.

Лет двадцать назад были у меня две подружки-итальянки. Приехали из Миланского университета писать в Москве дипломы — что-то про нашу великую культуру. Постигать они ее начали быстро — через водку. Приезжают, скажем, ко мне в гости и сразу бутылку из сумки достают: «Мы знаем, как у вас принято». Ну и как русский пацан я в грязь лицом не ударял. Наливал по полной, опрокидывал: «Я покажу вам, как мы умеем!». Италиянки повизгивали: «Белиссимо!» — и смотрели на меня восхищенными глазами рафаэлевских Мадонн. Боже, сколько я с ними выпил! И ведь держался, ни разу не упал. Потому что понимал: позади Россия, отступить некуда. Потом еще помог одной диплом написать. Мы, русские, на все руки мастера, особенно с похмелья.

Autor: Алексей Беляков
Sobota, 05 marca 2016

Больше всего русский ценит состояние дремотного сытого покоя. Чтоб холодец на столе, зарплата в срок, Ургант на экране. Если что идет не так, русский сердится. Но недолго. Русский всегда знает: завтра может быть хуже. Пословицу про суму и тюрьму мог сочинить только наш народ. Моя мама всю жизнь складывала в буфете на кухне банки с тушенкой — «на черный день». Тот день так и не наступил, но ловлю себя на том, что в ближайшей «Пятерочке» уже останавливаюсь около полок с тушенкой. Смотрю на банки задумчиво. Словно хочу спросить их о чем-то, как полоумный чеховский Гаев. Но пока молчу. Пока не покупаю.

Быть русским — это жить между небом и омутом, между молотом и серпом.

При первой возможности русский бежит за границу. Прочь от «свинцовых мерзостей». Тот же Пушкин всю жизнь рвался — не пустили. А Гоголь радовался как ребенок, пересекая границу России. Италию он обожал. Так и писал оттуда Жуковскому: *«Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр — все это мне снилось. Я проснулся опять на родине...»*

. А потом, когда русский напьется вина, насмотрится на барокко и наслушается органа, закупит барахла и сыра, просыпается в нем тоска. Иностранцы с их лживыми улыбочками осточертели, пора тосковать. Тоска смутная, неясная. Не по снегу же и подлецам. А по чему тоскует? Ответа не даст ни Гоголь, ни Набоков, ни Сикорский, ни Тарковский. Русская тоска необъяснима и тревожна как колокольный звон, несущийся над холмами, как песня девушки в случайной электричке, как звук дрели от соседа. На родине тошно, за границей — муторно.

Быть русским — это жить между небом и омутом, между молотом и серпом.

Свою страну всякий русский ругает на чем свет стоит. У власти воры и мерзавцы, растащили все, что можно, верить некому, дороги ужасные, закона нет, будущего нет, сплошь окаянные дни, мертвые души, только в Волгу броситься с утеса! Сам проклинаю, слов не жалею. Но едва при мне иностранец или — хуже того — соотечественник, давно живущий не здесь, начнет про мою страну гадости говорить — тут я зверею как пьяный Есенин. Тут я готов прямо в морду. С размаху.

Это моя страна, и все ее грехи на мне. Если она дурна, значит, я тоже не подарок. Но будем мучаться вместе. Без страданий — какой же на фиг я русский? А уехать отсюда

На родине тошно, за границей — муторно: чего хотят русские люди

Autor: Алексей Беляков
Sobota, 05 marca 2016

— куда и зачем? Мне целый мир чужбина. Тут и помру. Гроб мне сделает пьяный мастер Безенчук, а в гроб пусть положат пару банок тушенки. На черный день. Ибо, возможно, «там» будет еще хуже.

<https://www.buro247.ru/lifestyle/expert/byt-russkim.html>

Алексей Беляков, 7 октября 2015 г.